

Григорий Померанц

Национальное во вселенском

Меня когда-то очень захватывали слова анонимного апологета II столетия: «Для христианина всякое отечество чужбина и всякая чужбина отечество». Так и жили ранние христиане, и какое-то время мне казалось, что так и должны жить люди, в том числе и в наше время. Сейчас я сказал бы иначе: в любое время нельзя забывать этих слов. Но невозможно руководствоваться одним принципом, отбрасывая все другие. Над страстной односторонностью витает бесстрашие духа. Раннехристианский космополитизм увлекал меня как противовес племенной и национальной захваченности. Но ни на одном принципе нельзя усидеть. Истина – ковер, который ткется из многих принципов, и красная нить в нем – Божий след, пересекающий все принципы. Так, по крайней мере, говорил о Божьем следе Антоний Сурожский.

Ранние христиане ожидали второго пришествия – и не так, как современные евреи ритуально ждут мессию, не когда-нибудь, а совсем скоро. У них не было исторического опыта, они не обжигались на призывах лжемессий, втягивавших в свои авантюры, не выработали сочетания веры с сомнением и здравым смыслом. Потом опыт пришел. Надо было вжиться в историю, свыкнуться с обычаями народов, надевших крестики на свои языческие шеи. Надо было окрестить привычные праздники, назвать Солнцеворот Рождеством Христовым и т.п. И в этом нельзя видеть одно сползание к язычеству. Обряд можно взять с любой стороны, лишь бы не изменять Святому духу, духу любви.

Нация – не племя, а хранитель общих святынь и ценностей цивилизации, понятых на свой национальный лад. Я пересказываю в этих словах определение цивилизации, данное Эмилем Дюркгеймом: группа стран, объединенных общим духом, который каждая страна по-своему выражает. Нация – участник общих достояний цивилизации: ее святых книг, языка святых книг и шрифта святых книг, одного шрифта на всю цивилизацию, внешней, зримой приметы,

отличающей одну цивилизацию от другой и связывающей вместе местные, национальные языки. Цивилизация не сводится к трем приметам, но это, если можно сказать, ее паспорт.

Цивилизации возникли из более рыхлых региональных единств, вокруг первых очагов высокой культуры: Шумера, Аккада, Египта. Язык Шумера стал первым языком межплеменного общения. Для изучения этого языка уже в III тысячелетии до Р.Х. была создана грамматика. Но общих святынь довольно долго не было. Все мировые религии почему-то сложились в одну большую эпоху, примерно с VI в. до Р.Х. по VII в., и четыре святыне поделили между собой мир, легли в основу четырех субглобальных цивилизаций (некоторые факты, временно нарушавшие схему, я для краткости обхожу) (несколько подробнее в лекции, прочитанной 27.10.05, см. [polit.ru./](http://polit.ru/)).

Восточнославянские племена развивались на перекрестке трех субглобальных цивилизаций из четырех возможных. Только Индия не участвовала в формировании России. Сами по себе восточные славяне обладали повышенной гибкостью и восприимчивостью. Больше ничего о них не скажешь. «Троица» Рублева и роман «Преступление и наказание» возникли тогда, когда к славянскому дичку были привиты ветви из византийских и западных садов. Это не порок: таким же образом развивались германцы, галлы, корейцы, японцы. Разница в том, что галлы и германцы втягивались в одну, римскую цивилизацию, корейцы – в одну, китайскую цивилизацию, а Россия каждые 200–300 лет поворачивалась от одного мирового центра к другому и один пласт ложился на другой, часто ломая своего предшественника.

Некоторые прививки чужого были добрыми и давали добрые плоды, другие оставляли злой след. К злomu следу от налоговой системы, принесенной из Китая монголами, мы еще вернемся. Но и добрые ветви засыхали. История шла так, что иконы старого письма в XVII в. разучились писать, да и понимать их красоту перестали, кроме староверов. Прививалась и развивалась западная секуляризованная культура Нового времени, и только в ее формах величайшие писатели России пытались прорваться сквозь ее ограничения. Очень поздно, в

начале XX века Трубецкой и Флоренский заново открыли «умозрение в красках», и возник вопрос, как строить национальную культуру на таких разных столпах. Возникли две национальные задачи, до сих пор не выполненные: дать образованному человеку доступ к мудрости иконы, сравнимый с доступом, который давался школой к романам Льва Толстого или Достоевского. Это первое. А второе: как-то привести в гармоническое единство открытость Богу, полученную от неожиданной встречи или от глубокого созерцания иконы, и открытость миру и человеку, наследие Ренессанса, наследие гуманизма, которую дает культура Европы от Шекспира и Сервантеса до Чехова. Как (если заострить мысль до парадокса) соединить веру без гуманизма Нового времени и гуманизм, неуклонно теряющий веру. Эти задачи навязаны нам историей, и мы вынуждены решать их, но решать, не забывая порыв ранних христиан, живших поверх истории. То есть не теряя измерения вечности в смертном.

При этом мы сталкиваемся и будем сталкиваться с проблемой, которая в России всегда вызывала трудности, с проблемой формы. Трудность эту хорошо понимал Достоевский и ярко описал в «Игроке»¹, но я уже много раз повторял этот пример и сошлюсь на несколько строк в «Голосе из хора» Синявского: «религия Святого Духа как-то отвечает нашим национальным физиономическим чертам природной бесформенности (которую со стороны ошибочно принимают за дикость или за молодость нации), текучести, аморфности, готовности войти в любую форму (придите и владейте нами), нашим пороком или талантом мыслить и жить артистически при неумении налаживать повседневную жизнь как что-то вполне серьезное... В этом смысле Россия – самая благоприятная почва для опыта и фантазии художника, хотя его жизненная судьба бывает подчас ужасна.

От духа – мы чутки ко всяким идейным влияниям, настолько, что в какой-то момент теряем язык и лицо и становимся немцами, французами, евреями и, опомнившись, из духовного плена бросаемся в противоположную крайность, закостеневаем в подозрительности и низколобой вражде ко всему иноземному. Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Слово для нас настолько весомо..

что включает материальную силу, требуя охраны, цензуры. Мы – консерваторы, потому что мы нигилисты, и одно оборачивается другим и замещает другое в истории. Но все это оттого, что Дух веет, где хочет, и чтобы нас не сдуло, мы, едва отлетит он, застываем коростой обряда, льдом формализма, буквой указа, стандарта. Мы держимся за форму, потому что нам не хватает формы, пожалуй, это единственное, чего нам не хватает, у нас не было и не может быть иерархии или структуры (для этого мы слишком духовны), мы свободно циркулируем из нигилизма в консерватизм и обратно». Я думаю, что Синявский имел в виду недостаток внутренней, духовной структуры; из этого он выводит избыток внешней регламентации.

Слово форма, которым Синявский кончает свою характеристику, Достоевский в «Игроке» вспоминает шесть раз в одном абзаце. Видимо, это действительно камень преткновения для русской культуры. Легко вливаясь в любую форму, она редко умеет создать новую форму и с трудом подгоняет по фигуре готовую форму. Недаром романы Достоевского и Толстого шероховаты, сравнительно с гладкими романами Тургенева и Гончарова или с рассказами Лескова. Кажется Рудик и соборяне живут в разных странах. Собранные вместе, они создают противоречивость и сбивчивость слога, то, что я назвал антикрасноречием Достоевского и Толстого. В безупречно изящную форму Россия не влезает.

Но есть еще одна проблема, которую я отложил и к которой теперь возвращаюсь. Не все влияния приносили плоды добрые, были и такие, которые разрушали духовную культуру, приносили ее в жертву государству. Таким злым даром была налоговая система, созданная самой жестокой и антикультурной из китайских династий, Цинь: система подушной подати и круговой поруки, заставлявшая соседей платить за тех, кто бежал от тягла или просто умер. Монгольская система сбора дани стала мощным рычагом в руках князей Москвы, – самого отатаренного из русских княжеств, по характеристике Г.П.Федотова. Система, по которой община платила подать и за тех, кого нет, заставляла

---

¹ Эти цитаты есть в polit.ru/.

посадских людей самих просить о запрещении им менять место жительства. О том же просили и помещики, но пример с посадскими людьми парадоксальнее. Люди сами просили закрепить себя вместе с соседями, чтобы соседи, убежав, не перекладывали на них свое тягло. И рост русского государства связан был с ростом и ужесточением рабства. Об этом писал Федотов, писал (и подвергался поношению) Гроссман. А удалыцы, не мирившиеся с рабством, уходили через открытые границы на юг, до Терека, и на Восток, до Чукотки, Аляски и даже до Сан-Франциско. Или восставали, не умели создать новой власти и возвращались под ярмо. Продолжая свой бунт в форме кражи, если плохо лежало барское или казенное добро. Как и сегодня это длится. Наша жизнь – вяло текущая смута.

Так сложилась русская система непримиримых противоречий, сдавленная самодержавием, но периодически грозившей распадом и смутой. Казачья воля, поддержанная примером соседних народов, живших догосударственным бытом, сотрясали рабство, византийский чин не мирился с европейскими правами. И как только ослабевал гнет власти, начинался хаос, анархия, смута. А усталость от хаоса заставляет петь песни об Иване Грозном. А сегодня – идеализировать Сталина.

Сперва сотни тысяч выходили на демонстрации против коммунистов, а теперь те же сотни тысяч благославляют Сталина, хотят нового Сталина и создают высокий рейтинг кандидатам в диктаторы. Можно ли вывести народ из этого порочного круга? На политическом уровне это значит: возможна ли христианская демократия, уравновешенная социал-демократией на левом фланге? Возможно ли равновесие открытости Богу, направленное иконой и культом, с открытостью миру и человеку в стиле классического Запада?

В начале перестройки были попытки молодежи создавать и конституционную демократию, и христианскую демократию. Но патриархия и демократия – две вещи несовместные. Теоретически русская христианская демократия возможна и богословски обоснована в книге игумена Вениамина Новика «Православие, христианство, демократия». Но это книга бывшего инспектора Санкт-Петербургской академии, уволенного со службы. А энтузиазм

молодежи быстро иссяк. Энтузиазм сегодня не в чести. Несколько волн энтузиазма прокатились по XX веку, оставив позади горы трупов. Что бы ни захватывало массы, дело кончалось массовыми убийствами. Взрывы энергии, не давшие ничего хорошего, оставили за собой усталость и отупение. На Западе продолжают формы экономической и общественной жизни, к которым люди привыкли. А нам нечего продолжать и нет сил творить новое. Впрочем, завести семью и воспитать двух-трех детей повсюду не хватает воли. На всем огромном пространстве, от Америки до России, рождаемость ниже смертности и христианская цивилизация физически вымирает. И вот третья национальная задача: своими силами вырваться из инерции рабства и бунта, постепенно уступающей место инерции вымирания; своими силами зажечь сердца для новой жизни, свободной и от буйства, и от апатии, и от хаоса, и от коррупции.

Даже если образованные верхи объединятся и вместе потянут воз, трудно сдвинуть его с места. Колеса завязли до осей. Оглянитесь вокруг: всюду следы выродившихся, измельчавших бунтарских порывов. Кучи мусора на опушке леса, изрезанные и разрушенные скамейки в парках – продолжение того же бунта, бессмысленного и беспощадного, о котором еще Пушкин писал. Сдавленность избытком государства, ограниченность сферы общественной жизни рождали и рожают бунт. Дурак, бросивший банку от пива под куст, чувствует себя Стенькой Разиным, потопившим княжну: пусть дурацкая, но своя воля.

Такой же мертвый след – от круговой поруки по тяглу: мелкая зависть к соседу, высунувшемуся на полголовы выше среднего уровня. Жгучая зависть к олигарху, сумевшему разбогатеть в годы, когда тысячи неудавшихся стяжателей давились в дверях Чары, Властелины, МММ, охваченные жаждой вдруг, не работая, получить кучу долларов. Почему умный предприниматель больше достоин презрения, чем клиенты МММ, оказавшиеся в дураках? Почему достоин уважения мужик, продавший свой ваучер за поллитра? Завтра он продаст собственную квартиру и останется бомжом...

Когда начиналась перестройка, я писал, что школа для нас важнее экономики, потому что экономика первична только на грани голодной смерти, а

чуть мы с этой грани отошли – не хлебом единым сыт человек. Я повторил эту мысль вслух, на совещании в мэрии, и меня чуть не линчевали. Бог с ними, с прагматиками. Я все же убежден, что важнее всего бездоходное дело просвещения. Хотя бы камень, втащенный наверх, тут же валился вниз. Хотя очень трудно втиснуть в современность мысль вл.Антония о созерцании, где открывается Божий след и дает одному силу тысяч. Мысль эту заметили немногие. Но я надеюсь на одиночек, из которых складывается творческое меньшинство. И если у нас хватит смирения на несколько лет скромной работы в школах, институтах, в постинститутском развитии, то Россия возродится. А конкретные вопросы, которые ей придется решать, подскажет сама история, она же даст и лозунги, вдохновляющие народ.